

Из книги А.С. Черняева «Шесть лет с Горбачевым»

1987 год едва ли не самый обильный встречами Горбачева с иностранными лидерами, делегациями, учеными, общественными деятелями и т. д. И, кажется, редкая из них обходилась без резкого или вежливого спора, в котором М.С. отстаивал не только право на социализм, но и социалистическую сущность перестройки. Наиболее богата и любопытна в этом отношении его встреча с Маргарет Тэтчер в Москве в конце марта. **Надеюсь, будут изданы 70 страниц стенограммы их беседы, и, думаю, она займет заметное место среди драматических произведений мировой сцены 80-х годов.**

Кроме переводчиков, присутствовали только мы с Джоном Пауэллом, помощником британского Премьера, умным, деликатным, доброжелательным, располагающим к себе человеком, с которым у нас сложились добрые отношения.

Беседа проходила в Екатерининском зале Кремля. **М.С. и Маргарет сидели друг против друга за небольшим круглым столом. Она, как всегда, необыкновенно хороша, проникновенна, но и решительна, упряма, иногда назидательна. Он – ироничен, насмешлив, но иногда даже резок.** Его уверенность в правоте начатого им дела оборачивалась самоуверенностью в личном общении... даже с женщиной. А в ней при всем ее деловом уме и поразительной осведомленности женское начало не исчезало ни на секунду. Она, «ласково» оглядывая сидящих перед нею мужчин, будто постоянно следила за тем, какое впечатление производит также и как женщина.

Горбачев «завел» ее с самого начала, упрекнув за речь, которую она произнесла накануне визита в г. Торки (21 марта).

– Опять коммунизм и Советский Союз представлены в образе «нечистой силы», опять те же разговоры о необходимости наращивания позиции силы со стороны Запада. Нас это очень удивило. Не скрою, возникла даже мысль, не отменит ли Премьер-министр свой визит...

– Ну, уж нет, – парировала она, – не может быть, чтобы Вы так думали!

Заявив, что Советский Союз имеет превосходство почти по всем видам стратегических и обычных вооружений и при этом продолжает придерживаться доктрины Брежнева, **она проиллюстрировала стремление коммунизма доминировать повсюду.**

– Возьмите Йемен, Эфиопию, Мозамбик, Анголу, Никарагуа, кубинские войска в странах Африки. А Вьетнам? Едва только освободился от американских войск, как тут же напал на Камбоджу, вместо того чтобы заняться своими внутренними делами. А Афганистан? **Поэтому мы и говорим, что внешняя политика коммунизма направлена на достижение мирового господства.**

Потом она похвалила речь Горбачева на январском Пленуме:

– Это была потрясающая речь, она касается монументальных проблем... Я надеюсь, что, если вам удастся пойти по этому пути, это изменит ваш подход к тезису о мировом господстве коммунизма.

Тут она «угадала».

Горбачев заявил, что «никогда, ни в какие времена доктрины насаждения социалистической революции во всем мире у нас не было». Сообщил ей о том, что марксистское учение предусматривает смену общественных формаций, что вслед за капиталистической «затем» приходит социалистическая и что революции в Никарагуа и т. д. происходят оттого, что народы на определенном этапе больше не могут выносить эксплуатацию, грабеж и положение «заднего двора».

Естественно, договориться в таком диалоге было невозможно. Но Горбачев вывел разговор «в свою плоскость».

– Капитализм – реальность, и социализм – реальность. Не надо исходить из того, что Октябрьская революция – это «недоразумение», а социализм, Советская Россия – «ошибка истории». Надо освобождаться от идеологических пут, жить в реальном мире, думать, как оздоровить отношения между Западом и Востоком, а не обличать друг друга попусту.

Давайте без иллюзий, тем более что сейчас не пятидесятые, а восьмидесятые годы.

На что, впрочем, мадам огрызнулась:

– Я не живу воспоминаниями о пятидесятых годах. Те события, которые я приводила в качестве примера, произошли в семидесятые и восьмидесятые годы!

Потом пространно доказывала, что Британия после войны проводила правильную политику в отношении колоний и что Запад помогает бедным странам продовольствием, техникой, а мы, СССР, – оружием, да еще заставляем их платить за него. И кончила этот пассаж замечанием, справедливость которого нам пришлось потом фактически признать.

– Одним словом, **мы никогда не делали политического различия между капитализмом и социализмом. Скорее, надо проводить различие между тотальным централизованным контролем, тотальным управлением экономикой и экономической системой, при которой общество имеет свободу в рамках законов, устанавливаемых центральным правительством.** Это предусматривает наличие парламента, различных органов самоуправления, независимого судейского аппарата. Кстати, и Вы в Вашей январской речи подчеркивали значение этих институтов.

Но дальше пошел такой диалог:

«Тэтчер. Для нас очень важно, чтобы вы отказались от доктрины доминирования коммунизма.

Горбачев. А мы и не провозглашали такой доктрины. Есть философия, и есть политика, есть реальность. Дело каждого народа осуществлять свой выбор и отстаивать его. Вы привержены своей системе, мы – убежденные приверженцы своей. **Вы из меня консерватора не сделаете, как и я не рассчитываю сделать из Вас коммунистку.**

Тэтчер. Я не пытаюсь Вас переубедить. Я объясняю, что нас заботит.

Горбачев. Я продолжу свою мысль. Одни народы, освободившись от колониализма, берут для себя капиталистическую систему, другие – пытаются построить демократическую систему, сочетающую элементы капитализма и социализма, третьи – строят общество, близкое к социализму. Ну, и Бог с ними со всеми, пускай организуют свою жизнь, как они считают нужным. Другое дело, кому мы сочувствуем. Здесь ответ ясен. **Мы сочувствуем тем, кто ближе к нам, вы – тем, кто ближе к вам.**

Тэтчер. Система в странах, которым вы сочувствуете, не дает народу право выбора другой системы. Коммунизм там вписан в конструкцию, другой системы не дает, нет свободы выбора между системами. Я не требую, чтобы все страны выбирали систему, подобную нашей или близкую к ней. Я хочу, чтобы повсюду было больше личных свобод, больше свободного обмена людьми, информацией и идеями, больше процветания. Те страны, которые выбирают крайнюю, социалистическую модель, не могут добиться процветания».

Этот спор шел кругами, приобретая иногда характер перепалки. Вот отрывок:

«**Тэтчер.** Мы с подозрением относимся к системе, которая ограничивает свободу своему народу.

Горбачев. Вы столько говорите о свободе, что вынуждаете и меня перейти к этой теме.

Тэтчер. Мы с Вами похожи друг на друга характерами. Каждый хочет, чтобы последнее слово осталось за ним.

Горбачев. Не ставьте меня в положение, лишаящее свободы выбора».

И Горбачев выложил едва ли не всю сумму обычных тогда аргументов насчет социальных пороков капитализма и манипулирования «плюрализмом, который нас не обманет». Тэтчер демонстрировала, какие блага приносят народу, а не верхнему слою («сама я не принадлежу к правящему классу») политическая демократия и рыночное хозяйство. Сопоставлялась даже политика Лондона в отношении Северной Ирландии и политика Москвы в

отношении народа ханты (20 тысяч человек), который имеет свою автономию¹.

Полемика шла как бы по параллелям: он настаивал на свободе выбора, она – на свободе вообще. Каждый призывал друг друга отказаться от идеологического подхода в международных отношениях, но оба фактически были в плену этих подходов. Новое, – но какое! – состояло в том, что из-за этого, как любил повторять Горбачев, «не надо стреляться».

Исторически же Тэтчер оказалась более права. Только по мере того, как стирались принципиальные (идеологические) различия между системами, шло и снижение военно-политического противостояния, несшего в себе угрозу ядерной войны. **Горбачев же тогда полагал возможным достичь оздоровления международных отношений, вынося за скобки идеологическую несовместимость.** Более того, совершенствование, а значит, усиление социалистической системы, увеличение ее мощи подразумевали укрепление ее позиций в конкуренции с капитализмом как его альтернативы.

Словом, и во внешней политике логика перестройки и логика строя все больше не совпадали и ставили Горбачева в противоречивое положение, которое он сам замечал и иногда, «среди своих», издевался над преимуществами социализма, и «куда он нас завел».

Естественно, большое место в той памятной встрече Горбачева и Тэтчер заняли вопросы вооружений и разоружения.

Горбачев поставил вопрос с вызовом.., и Тэтчер, на что он явно рассчитывал, сразу же «завелась».

«Что получается? Вот уже более двух лет мы наблюдаем одно и то же: едва что-то забрезжит в смысле позитивного решения какой-нибудь проблемы разоружения, как тут же в Вашингтоне, Лондоне, Париже, Бонне проявляется активность, направленная на выискивание предлогов для сомнений, для того

¹ Позже, съездив на север Красноярского края, Михаил Сергеевич лично увидел, в каком состоянии «малые народы», и ужаснулся... хотя они все и имеют «автономии». – А. Ч.

чтобы, ссылаясь на “превосходство” Советского Союза, затормозить процесс, загнать его опять в тупик. Движения нет, есть одни разговоры. А что касается “превосходства”, то и вы, и мы, и Президент Рейган располагаем данными о реальном соотношении сил. Обманывать друг друга не только не нужно, это невозможно. **Нужно решить, как мы будем строить мост разоружения».**

Не буду воспроизводить конкретику. Она – для специалистов по истории разоруженческого процесса. Тогда очень остро стоял вопрос о ракетах средней дальности в Европе, об оперативно-тактических ракетах, самолетах... Спор шел с переменным успехом. Но в этой части беседы Тэтчер приходилось больше отбиваться и оправдываться. **У Горбачева были очень сильные позиции: Рейкьявиком он доказал, что готов пойти очень далеко и что он искренне заинтересован в ликвидации бремени вооружений, в снятии ядерной угрозы.**

Предстояли еще долгие споры на политическом и экспертном уровнях, тяжелые, со спадами и подъемами, переговоры с американцами, уступки с нашей стороны, потому что пришлось признать и перебор в танках до совершенно нелепого количества (если мы действительно не хотели рвануть до Атлантики, а мы в самом деле этого не хотели), превосходство по оперативно-тактическим ракетам (ОТР) и т. д. Впредь до заключения первых соглашений о разоружении предстояла еще трудная борьба Горбачева со своими генералами. Долго их пришлось убеждать в необходимости убрать СС- 20 из Европы. (Тут, кстати, очень положительную роль сыграл Ахромеев, который – при всем своем политическом и идейном консерватизме – как военный человек понимал прямую опасность для нас со стороны «Першингов- 2» и всегда считал глупостью политическое решение об СС-20, направленных против американских союзников по НАТО: «локальной ядерной войны» быть не могло «по определению».)

Все это было еще впереди. А пока Горбачев вел яростную борьбу – на своем, высшем уровне – за то, чтобы начать вместе с ними, на равных, реальный процесс ядерного разоружения.

Он буквально атаковал своих собеседников с Запада, почти открыто обвиняя их в саботажничестве и безнравственном отношении к судьбе человечества. С Маргарет Тэтчер полемика такого рода была особенно яростной, хотя, как это ни странно, только укрепляла их привязанность и симпатии друг к другу.

«Вы, госпожа Тэтчер, – заявил он ей на этот раз, – своей позицией по ядерному оружию мешаете переговорам, мешаете начать процесс реального разоружения. Когда Вы клятвенно заверяете, что ядерное оружие – это благо, то сразу становится ясно: перед нами горячая сторонница ядерного оружия, готовая пойти на риск войны».

Надо было видеть, что с ней было после этих слов. Она вся напряглась, покраснела, взгляд стал жестким. Протянула руку, дотронулась до рукава горбачевского пиджака. Заговорила, не давая ему вставить слова. Сыпала доводами, почему она считает невозможным отказаться от ядерного оружия: оно спасало мир в Европе 40 лет, оно – гарантия от ужасной войны и т. д. И как он может подозревать ее в страшных замыслах!..

Она так разволновалась, что разговор уже вышел из колеи: они начали перебивать друг друга, повторяться, уверять в самых добрых намерениях. И – комплименты, комплименты в адрес Горбачева, его новой политики, которой она желает успеха. В перспективе обо всем можно договориться.

В разгар этой полемики Тэтчер вдруг попросила сделать перерыв. На ланче в посольстве, куда были приглашены некоторые наши видные интеллектуалы, она продолжала доказывать, насколько Горбачев неправ и несправедлив, превратно интерпретируя ее отношение к ядерному оружию.

Теперь, по прошествии времени, я бы так оценил значение той полемики, которая, конечно, далеко выходила за рамки беседы двух лидеров. В практическом плане процесс разоружения пошел «по-тэтчеровски». Но *если бы не напористость Горбачева, его непримиримость в стремлении доказать всем, что ядерное оружие – абсолютное зло и на нем невозможно больше строить мировую политику, то «процесс бы не пошел» вообще, и мы бы и до*

сих пор не имели того действительно исторического поворота в гонке вооружений, который все-таки состоялся. [Курсив – А.Ч.]

Так что в этом споре о ядерном оружии двух «антагонистов» – Горбачева и Тэтчер – родилось и встречное движение. Ибо **Запад все больше начинал верить в искренность Горбачева, понимать, что прекращение гонки ему жизненно нужно для осуществления перестройки, с которой он связал свою судьбу как политик и как человек.**

Вот, однако, как в своей неповторимой манере он сам оценил итоги встречи с Тэтчер.

«Правильно сделали, что пригласили. Имели в виду не только ее самое, но США и европейское направление, которое имеет ключевое значение. В наших интересах – возрастание роли Англии. Гельмут Коль сразу почувствовал. Еще больше сожалеет, что допустил глупость осенью². Итальянцы боятся, что пойдет сближение между СССР и ФРГ. У каждого свои интересы. И все это мы должны учитывать...

И беседа велась в таком ключе: я ей говорил о реальностях, о необходимости освободиться от мышления 40-х годов. Дело доходило до того, что вот-вот сорвется все...

Важно было посмотреть, что у таких людей в головах. Тэтчер выступала в роли защитника интересов Запада. В отличие от N³ **она не умеет скрывать подлинных замыслов. Искренняя, но напористая. С большим интересом ко всему, что происходит в СССР. С этим связывает решение вопросов своей внешней политики.** Приехала проверить, как советское руководство собирается строить свои внутренние дела. И, следовательно, внешнюю политику. Встречалась с нашими интеллигентами, диссидентами. Хотела выяснить настроение в обществе, отношение к перестройке, соприкоснулась с

² Публично сравнил отстаивание Горбачевым идей перестройки с «мастерством» Геббельса. Разразился дипломатический мини-скандал. [Примеч. А.Ч.] Рассказ об этом эпизоде см. в Хронике ноября 1986 года.

³ Он назвал деятеля, с которым потом у него сложились очень дружеские отношения. И я не вправе называть его здесь. [Примеч. А.Ч.]

нашим народом. «Что такое сейчас СССР?» – вот для нее было самое главное...

По итогам визита она дала слишком много позитивных оценок. Так поняли и западная печать, и американцы. Что-то в ней в самом деле произошло. Впечатления у нее огромные. Пусть думает...

Разговаривая и споря со мной, она в то же время искала согласия. Очень не хотела, чтобы ее визит назвали провалом. Напирала на доверие. Мол, СССР подорвал к себе доверие, мы вам не верим. Вы очень легко принимаете решения: Венгрия, Чехословакия, Афганистан. Мы, например, не могли даже представить себе, что вы войдете в Чехословакию. А вы вошли. То же с Афганистаном. Мы вас боимся. Вы РСД уберете, американцы уберут, и мы будем перед вами беззащитными. Вот как она рассуждает. Она считает, что мы не отказались от «доктрины Брежнева»...

Это, товарищи, сильно сидит в мозгах. И это не просто выжать...

Тэтчер не ожидала, что ей дадут полную возможность говорить с кем угодно. Не ожидала она и нашей жесткой позиции по правам человека в публичной речи. Ошеломило ее, что все, что она сказала, было опубликовано. Мы ее обезоружили этим. И сколько было бы вони, если бы мы что-то купировали...

Конкретно вроде бы ничего не получили. Но диалог продвинулся. И тот факт, что Тэтчер за перестройку – это очень важно. Американцы ей вменили это как самую большую ее ошибку».

Встреча с Тэтчер имела и еще одно важное следствие – сильный поворот Горбачева в сторону Западной Европы...

Источник: Черняева А.С. «Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям». С. 131-140.